

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему «УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МЕХАНИЗМОВ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА И
ГРАЖДАНИНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)»

Выполнил

Гаджирагимов Эльбрус Мирзерагимович

обучающийся по специальности

40.05.01 Правовое обеспечение

национальной безопасности

2021 года набора, 113 учебного взвода

Руководитель

старший преподаватель кафедры

Исанбаев Ильдар Салаватович

К защите

рекомендуется
рекомендуется / не рекомендуется

Начальник кафедры

В.С. Латыпов
подпись

В.С. Латыпов

Дата защиты «___»

2026 г. Оценка

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические основы обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном процессе.....	6
§ 1. Понятие и содержание прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве	6
§ 2. Нормативно-правовые основы защиты прав человека в уголовном судопроизводстве.....	14
§ 3. Реализация основных прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве России.....	17
Глава 2. Проблемы и пути совершенствования механизмов защиты прав в уголовном процессе.....	24
§ 1. Основные проблемы реализации прав граждан в деятельности ОВД.....	24
§ 2. Анализ правоприменительной практики в территориальном органе внутренних дел по вопросам проблем реализации прав граждан.....	29
§ 3. Направления оптимизации уголовно-процессуальных механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина	35
Заключение	44
Список использованной литературы	47
Приложение 1	52
Приложение 2	53
Приложение 3.....	54

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека, и гражданина – обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ)¹.

В сфере уголовного судопроизводства данный принцип приобретает особое звучание, поскольку именно здесь государство в лице своих органов, включая органы внутренних дел, реализует наиболее интенсивные меры принуждения, сопряженные с ограничением права на свободу, личную неприкосновенность, тайну переписки и иные фундаментальные права.

Современная уголовно-процессуальная политика ориентирована на построение такого механизма правового регулирования, который бы обеспечивал разумный баланс между публичными интересами раскрытия преступления и частными интересами лица, вовлеченного в сферу уголовной юстиции.

Однако практика деятельности территориальных органов внутренних дел свидетельствует о наличии устойчивых проблем: нарушения сроков уведомления о подозрении, формальный подход к разъяснению прав, случаи необеспечения квалифицированной юридической помощью, а также продолжающиеся факты применения недопустимых методов допроса. Эти обстоятельства детерминируют необходимость критического переосмысления сложившейся уголовно-процессуальной модели механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина.

Особую значимость исследованию придает и продолжающаяся судебнo-правовая реформа, в рамках которой расширяются полномочия суда по

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Федеральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 6 октября 2022 г. (дата обращения: 10.11.2025).

контролю за следствием, внедряются электронные формы уголовного судопроизводства и усиливаются гарантии прав потерпевших.

Степень научной разработанности темы. Проблематика обеспечения прав человека в уголовном процессе традиционно находится в фокусе внимания отечественной процессуальной науки.

Значительный вклад в разработку общетеоретических аспектов внесли такие ученые, как В.П. Божьев, А.Д. Бойков, В.М. Быков, О.А. Зайцев, А.П. Гуськова, В.Т. Томин, Б.Т. Безлепкин, Л.Н. Масленникова и др. Вопросы реализации права на защиту исследовались Ю.И. Стецовским, А.М. Лариным, И.Л. Петрухиным.

Отдельные аспекты обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве рассматривались в работах А.В. Смирнова, К.Б. Калиновского, С.П. Серебровой. Проблематика законных интересов как самостоятельного объекта уголовно-процессуальной охраны получила развитие в трудах Н.В. Витрука, В.А. Кулакова, О.В. Качаловой.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства по поводу реализации и охраны прав и законных интересов человека и гражданина.

Предметом исследования является уголовно-процессуальная модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина, а также практика ее реализации в деятельности территориального органа внутренних дел на примере СО ОМВД по Магарамкентскому району.

Цель исследования заключается в разработке на основе анализа доктринальных положений, действующего законодательства и эмпирических данных территориального органа внутренних дел теоретически обоснованных и практически значимых предложений, направленных на совершенствование уголовно-процессуальной модели механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина.

Задачи исследования:

1. определить понятие и структуру уголовно-процессуальной модели обеспечения прав и законных интересов человека, и гражданина, выявить ее системообразующие элементы.

2. раскрыть содержание механизмов обеспечения прав и законных интересов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

3. выявить особенности реализации механизмов обеспечения прав подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и иных участников процесса в деятельности органов дознания и предварительного следствия.

4. провести анализ практической деятельности территориального органа внутренних дел по обеспечению прав и законных интересов участников уголовного процесса, используя данные статистической отчетности, материалы уголовных дел и результаты ведомственного контроля.

Методологическая основа исследования. Достижение поставленной цели и решение сформулированных задач обеспечивается применением комплекса общенаучных и частно-научных методов познания.

Эмпирическая база исследования. Эмпирическую основу работы составляют:

- материалы обобщенной практики СО ОМВД по Магарамкентскому району;
- результаты изучения уголовных дел (архивных и находящихся в производстве), расследованных следователями территориального органа, в том числе дел, по которым выносились частные постановления суда;
- результаты анкетирования и интервьюирования практических сотрудников.

Теоретическая значимость исследования заключается в выработке уточненного понятия уголовно-процессуальной модели механизмов обеспечения прав человека, в систематизации критериев эффективности их действия.

Дипломная работа состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

§ 1. Понятие и содержание прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве

Категория прав и законных интересов личности является фундаментальной в механизме уголовно-процессуального регулирования. Её теоретическое осмысление имеет не только доктринальное, но и ярко выраженное прикладное значение, поскольку выступает критерием оценки допустимости ограничений со стороны государства и меры его ответственности перед гражданином.

В уголовном судопроизводстве, где конфликт публичного и частного начал достигает наивысшей степени остроты, разграничение и содержательное наполнение данных категорий приобретает особую специфику.

Права личности в уголовном процессе представляют собой обеспеченную законом меру возможного поведения участника уголовного судопроизводства, направленную на реализацию его охраняемых законом интересов и обеспеченную корреспондирующей обязанностью публичных органов (дознавателя, следователя, прокурора, суда)¹.

Формирование и развитие прав и законных интересов личности в отечественном уголовном судопроизводстве представляет собой длительный исторический процесс, непосредственно связанный с эволюцией государственно-правовых институтов, изменением приоритетов уголовно-процессуальной политики и уровнем правосознания в обществе. Анализ генезиса данной категории позволяет выявить закономерности её становления и

¹ Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. С. 45.

определить вектор современного развития. В юридической науке принято выделять несколько основных этапов этого процесса, рубежами которых выступают ключевые кодифицированные акты российского уголовно-процессуального законодательства.

Первый этап (XI – середина XIX века) охватывает период от Русской Правды до принятия Свода законов Российской империи 1832 года и характеризуется отсутствием формально закреплённых прав личности в уголовном процессе. В таких источниках, как Русская Правда (1016 г.), Судебник 1497 г., Соборное уложение 1649 г., законодательство Петра I, не содержалось систематизированных положений о процессуальном статусе участников судопроизводства.

Уголовный процесс носил преимущественно розыскной (инквизиционный) характер, где личность обвиняемого выступала преимущественно объектом государственного принуждения. Однако в данных памятниках права уже прослеживаются отдельные элементы процессуальных гарантий.

Так, в Русской Правде содержатся словоформы «клепати» (обвинять) и «запа» (подозрение), что свидетельствует о зарождении понятийного аппарата. Существенным шагом вперёд стало принятие в 1832 году Свода законов Российской империи, где впервые был выделен раздел «О судопроизводстве по преступлениям», что положило начало обособлению уголовно-процессуальных норм.

Второй этап (1864 – 1917 гг.) ознаменовался кардинальной трансформацией уголовного судопроизводства в результате Судебной реформы Александра II. Принятие 20 ноября 1864 года Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) явилось переломным моментом в истории отечественного процесса. УУС провозгласил принцип личной неприкосновенности: лица не могли быть задержаны без законных оснований, заключение под стражу допускалось только в установленной процедуре, а незаконно задержанное лицо подлежало немедленному освобождению.

Именно в этот период в законодательство впервые вводится лексема «потерпевший» как участник уголовного процесса (лицо, которому преступлением причинён вред), хотя легальная дефиниция отсутствовала. УУС сформировал состязательные начала судопроизводства, существенно расширил права обвиняемого на защиту и закрепил развёрнутую систему мер процессуального принуждения, что позволяло говорить о появлении в России института формально определённых прав личности в уголовном процессе.

Третий этап (1917 - 1991 гг.) связан с советским периодом развития уголовно-процессуального права. После событий 1917 года ход развития уголовного судопроизводства объективно изменился. Кодификация состоялась в 1922 году с принятием УПК РСФСР, спустя год заменённого новым кодифицированным актом 1923 года.

В статье 5 УПК РСФСР 1923 г. принцип личной неприкосновенности получил закрепление. Ключевым актом данного этапа стал УПК РСФСР 1960 года, заложивший основы современного процессуального положения участников судопроизводства. Однако советский уголовный процесс характеризовался доминированием публичного (государственного) интереса над частным.

Задачи процесса формулировались через призму «укрепления социалистической законности», «предупреждения и искоренения преступлений», «воспитания граждан»¹.

Несмотря на закрепление ряда процессуальных прав (право на защиту, обжалование), их реализация во многом носила декларативный характер. Приоритет отдавался интересам государства и «революционной целесообразности», а не абсолютной защите прав личности. В доктрине того периода высказывалась позиция о том, что с точки зрения интересов общества гораздо важнее обеспечить правовую защиту граждан от необоснованного

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2015. С. 32-35.

привлечения к ответственности, чем добиваться наказания каждого преступника, однако эта позиция не получила практической реализации.

Четвёртый этап (1991 г. – настоящее время) начинается с распадом СССР и принятием Конституции Российской Федерации 1993 года, которая в статье 2 провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью. Ключевым событием стало принятие в 2001 году и введение в действие с 1 июля 2002 года УПК РФ. Данный кодифицированный акт ознаменовал смену парадигмы российского уголовного процесса. Статья 6 УПК РФ впервые сформулировала назначение уголовного судопроизводства как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод.

В нормативной модели уголовного судопроизводства «защитительная» функция юстиции получила приоритет над «карательной». УПК РФ закрепил такие фундаментальные гарантии, как презумпция невиновности, состязательность сторон, право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей, особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением.

Принципиальное значение имело правило о признании недопустимыми доказательств показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства в отсутствие защитника и не подтверждённых в суде (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Кроме того, Россия ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, в результате чего международные принципы и нормы стали приоритетной составной частью российского законодательства.

Несмотря на существенный прогресс, современный этап характеризуется рядом нерешённых проблем. В доктрине отмечается, что, несмотря на формальное соответствие процессуальной формы Конституции РФ, приоритет публичного начала и публичного интереса не позволяет в должной мере обеспечить фактическое соблюдение прав личности в сфере уголовного

преследования. Остаются актуальными вопросы регламентации категории «законный интерес личности», отсутствие легального определения которой препятствует его практической защите.

Кроме того, законодатель, по мнению ряда учёных, пренебрёг достижениями отечественной науки в части разработки эффективных профилактических мер по предупреждению преступлений, сконцентрировавшись исключительно на правозащитной функции.

Дальнейшее развитие данного института должно быть направлено на преодоление разрыва между нормативными декларациями и реальной правоприменительной практикой, а также на поиск оптимального баланса между публичными и частными интересами в уголовном процессе.

Юридическая природа этих прав носит императивно-диспозитивный характер: с одной стороны, их реализация возможна в активных действиях субъекта (например, право заявлять ходатайства, представлять доказательства), с другой – их осуществление обеспечено властными предписаниями закона, обязывающими должностных лиц совершить определённые действия или воздержаться от них.

Ключевой отличительной чертой прав участников уголовного судопроизводства выступает их нормативная формализованность и процедурная гарантированность. Так, в соответствии со ст. 11 УПК РФ, суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и иным участникам процесса их права и обеспечивать возможность осуществления этих прав. Нарушение данных предписаний квалифицируется как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее недопустимость полученных доказательств (ст. 75 УПК РФ) или отмену судебного решения.

Понятие законного интереса в уголовном судопроизводстве является менее разработанным в процессуальной теории, однако не менее значимым. Законный интерес следует понимать, как юридически опосредованное стремление (дозволение общего типа) личности к пользованию определённым

социальным благом, которое прямо не закреплено в виде субъективного права, но не противоречит принципам и общему смыслу уголовно-процессуального законодательства.

Анализ доктринальных источников позволяет выделить следующие сущностные характеристики законного интереса:

1. отсутствие прямой корреспондирующей обязанности публичного органа. Государство не обязано его удовлетворить, но и не вправе произвольно ему препятствовать;

2. «рамочный» характер – он вытекает из совокупности процессуальных норм и принципов (состязательности, разумности срока, уважения чести и достоинства);

3. реализуется исключительно в активных действиях самого носителя интереса (не может быть осуществлён помимо его воли).

В уголовном судопроизводстве законные интересы личности обретают своё фактическое содержание в конкретных институтах: интерес потерпевшего в смягчении наказания для обвиняемого при примирении (ст. 25 УПК РФ), интерес обвиняемого в рассмотрении дела в особом порядке (ст. 314 УПК РФ), интерес свидетеля в неразглашении сведений о его личности (ст. 166 УПК РФ) и др.

Эти интересы, не будучи сформулированными как абсолютные права, активно охраняются процессуальным законом от произвольного ограничения.

Соотношение прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве не является иерархичным. Они функционально дополняют друг друга, образуя единый правовой режим защиты личности.

Если права задают жесткий алгоритм поведения и ответственности, то законные интересы обеспечивают гибкость и индивидуализацию правоприменения, позволяя участнику процесса достичь юридически значимой цели там, где закон не даёт ему прямого дозволения.

Таким образом, понятие прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве охватывает две взаимосвязанные, но не тождественные категории.

Содержание прав образуют чётко установленные процессуальным законом возможности действовать, требовать, пользоваться благами и защитой.

Содержание законных интересов складывается из не запрещённых законом стремлений участника процесса, для реализации которых необходимо усмотрение правоприменительных органов, но которое не может быть проигнорировано или отвергнуто произвольно. В совокупности они составляют ядро правового статуса личности в уголовном процессе и определяют пределы допустимой уголовно-процессуальной деятельности со стороны государства.

Выводы по результатам анализа понятия и содержания прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве:

1. В уголовно-процессуальной науке установлено, что понятие «законный интерес» не тождественно субъективному праву. Если право есть мера юридически гарантированной возможности требовать конкретного действия (или бездействия) от публичных органов, то законный интерес представляет собой отражённое в законодательстве и принципах процесса стремление личности к благоприятному правовому результату, не обеспеченное конкретной обязанностью государства. Однако оба явления образуют единый правовой статус личности.

2. Содержание прав и законных интересов дифференцируется в зависимости от процессуального положения лица. Для обвиняемого (подозреваемого) ядром является право на защиту и презумпция невиновности; его законный интерес заключается в минимизации неблагоприятных последствий обвинения (например, интерес в избрании более мягкой меры пресечения). Для потерпевшего — доступ к правосудию и компенсация ущерба, а интерес — в разумной скорости расследования и справедливом наказании виновного.

3. Законные интересы выполняют компенсаторную роль. Они позволяют личности добиваться правосудия в ситуациях, прямо не урегулированных нормой, но соответствующих принципам уголовного процесса (состязательность, уважение чести и достоинства, разумный срок). Например, интерес в прекращении уголовного дела при отсутствии события преступления вытекает из принципа законности, даже если конкретная процедура закреплена не для всех стадий.

4. Установлено, что уголовное судопроизводство изначально содержит имманентное противоречие между публичным интересом государства (раскрытие преступления, обеспечение наказания) и частными интересами личности. На стадиях предварительного расследования перевес публичного интереса объективно приводит к ограничению ряда прав (задержание, обыск, изъятие документов). Следовательно, ключевой научной проблемой является поиск баланса, при котором такие ограничения не становятся отрицанием самой сути законных интересов.

5. Действующее уголовно-процессуальное законодательство (ст. 6, 11, 123 УПК РФ) закрепляет систему гарантий, однако её практическая эффективность снижается из-за сохраняющегося обвинительного уклона и ведомственных барьеров. Наиболее уязвимой сферой признаётся реализация законного интереса личности в объективности и независимости суда на досудебных стадиях.

Общий вывод. Категория «законный интерес» не является декоративным элементом, а выступает важнейшим регулятивом, позволяющим личности участвовать в уголовно-процессуальных отношениях за рамками нормативно определённых правомочий.

Для повышения уровня правовой защищённости необходимо не расширение простого перечня прав, а создание реальных процессуальных механизмов, обеспечивающих баланс публичных и частных интересов на каждой стадии судопроизводства.

§ 2. Нормативно-правовые основы защиты прав человека в уголовном судопроизводстве

Правовой институт защиты прав человека в уголовном судопроизводстве представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую в себя как национальное законодательство, так и общепризнанные принципы и нормы международного права.

Согласно ч. 1 ст. 17 Конституции РФ, в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права¹.

Более того, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ устанавливает, что международные договоры РФ являются составной частью её правовой системы, а в случае коллизии правил, установленных законом и международным договором, приоритет отдается последнему. В контексте уголовного судопроизводства это положение приобретает особое значение, поскольку именно здесь государство реализует свое исключительное право на принуждение, что создает повышенные риски нарушения прав личности².

Фундаментальное значение для формирования современной модели российского уголовного процесса имеют международно-правовые акты универсального и регионального характера. Ключевыми из них являются: Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.), а также Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.).

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Федеральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 6 октября 2022 г. (дата обращения: 10.11.2025).

² Брунер Р.А., Кивич Ю.В. Некоторые проблемы приема, регистрации и разрешения заявлений и сообщений о преступлениях в органах внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 56-60.

Статья 5 последней закрепляет право каждого на свободу и личную неприкосновенность, устанавливая исчерпывающий перечень оснований для лишения свободы и гарантируя право на безотлагательное рассмотрение судом вопроса о законности ареста или содержания под стражей.

Как обоснованно отмечается в правовой литературе и подтверждается судебной практикой, Верховный Суд РФ при избрании мер пресечения, таких как заключение под стражу или домашний арест, ориентирует нижестоящие суды на обязательный учет толкований данных норм, выработанных Европейским Судом по правам человека, в частности касательно недопустимости продления срока содержания под стражей исключительно на основе тяжести обвинения без доказательств реального риска воспрепятствования правосудию¹.

В структуре национального законодательства системообразующим актом выступает Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Специальной нормой, закрепляющей рассматриваемый принцип, является статья 11 «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве». Законодатель в данной статье императивно закрепляет три ключевых направления деятельности суда и должностных лиц стороны обвинения:

1. суд, прокурор, следователь и дознаватель обязаны разъяснить участникам процесса их права, обязанности и ответственность, а также обеспечить возможность осуществления этих прав.

2. при наличии угрозы жизни или здоровью участников процесса или их близких указанные органы обязаны применить меры безопасности, предусмотренные УПК РФ (например, контроль и запись телефонных переговоров при наличии угроз свидетелю, проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего). Данное

¹ Лебедев В.М. Настольная книга судьи по рассмотрению уголовных дел на досудебных стадиях : практическое пособие. М.: Норма, 2024. С. 312-315.

предписание корреспондирует с международными обязательствами РФ, в частности со Статьей 24 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, требующей обеспечения эффективной защиты свидетелей.

3. статья 11 УПК РФ закрепляет право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования, что развивает институт реабилитации, предусмотренный главой 18 УПК РФ.

Особого внимания в рамках дипломного исследования заслуживает взаимосвязь ст. 11 УПК РФ с принципом состязательности и правом на защиту (ст. 16 УПК РФ). Как отмечается в официальных докладах Уполномоченного по правам человека в РФ, несмотря на законодательное закрепление обязанности охранять права, на практике сохраняется системная проблема, связанная с процессуальным статусом следователя и дознавателя как стороны обвинения, что психологически и организационно смещает их деятельность в обвинительное русло, в ущерб собиранию оправдательных доказательств.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 29 от 30.06.2015 г. разъяснил, что обязанность обеспечения права на защиту возникает с момента начала действий, существенно затрагивающих права лица, даже если формально статус подозреваемого еще не присвоен¹.

Помимо конституционных и кодифицированных норм, важную роль играют решения высших судебных инстанций².

Постановления Конституционного Суда РФ и обзоры судебной практики Верховного Суда РФ являются правовыми позициями, обязательными для применения. Например, в Обзорах практики межгосударственных органов (подготовленных Верховным Судом РФ) судам предписывается учитывать правовые позиции Комитета ООН по правам человека и Европейского Суда,

¹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от № 29 от 30.06.2015 г. // Российская газета. 2015.

² Афанасьев А.Ю., Федотов И.С. Проблемы реализации права на обжалование действий и решений должностных лиц в досудебном производстве // Законность. 2025. № 2. С. 44-48.

касающиеся запрета пыток, обеспечения эффективных средств правовой защиты и недопустимости произвольного ареста, однако в данный момент Российская Федерация с 2022 года вышла из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека и основывается на собственном федеральном законодательстве.

Таким образом, нормативно-правовая основа защиты прав человека в уголовном судопроизводстве представляет собой конвергенцию международных стандартов и внутригосударственного законодательства, реализуемую через механизмы судебного контроля и прокурорского надзора.

§ 3. Реализация основных прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве России

Эффективность уголовно-процессуальных механизмов защиты прав и законных интересов личности наиболее рельефно проявляется в судебной практике рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование.

Институт судебного обжалования, предусмотренный статьей 125 УПК РФ, является ключевым гарантом восстановления нарушенных прав на досудебных стадиях производства.

Правоприменительная практика в данной сфере, включая рассмотрение жалоб на стадии принятия процессуальных решений, демонстрирует как устойчивые достижения в обеспечении прав участников судопроизводства, так и сохраняющиеся проблемные аспекты, требующие дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Процедурные гарантии при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ. В соответствии с правовой позицией Пленума Верховного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации», судебному контролю подлежат не только состоявшиеся процессуальные решения, но и бездействие дознавателя, следователя или руководителя

следственного органа, которое способно причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию¹.

Рассмотрение жалобы осуществляется судьей единолично в открытом судебном заседании с участием заявителя, его защитника, законного представителя, а также прокурора и должностных лиц, чьи действия обжалуются. Неявка участников, своевременно извещенных о времени и месте судебного разбирательства, не препятствует рассмотрению жалобы по существу, что обеспечивает оперативность судебного контроля.

Типичным примером обращения к судебному механизму защиты прав является производство по жалобе на решение должностных лиц органа предварительного расследования.

Как следует из материалов судебной практики Приморского районного суда города Санкт-Петербурга, 31 октября 2025 года² в суд поступила жалоба гражданина Поворотова Сергея Сергеевича в порядке статьи 125 УПК РФ на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное производство. Жалоба была принята к производству судьи и назначена к судебному рассмотрению на 28 ноября 2025 года. Данный пример иллюстрирует реализацию права на судебную защиту, предусмотренного статьей 46 Конституции РФ, на практике. Важно отметить, что факт обращения с жалобой не предрешает вопроса об ее обоснованности – суд после исследования представленных материалов и заслушивания доводов сторон выносит мотивированное постановление либо об удовлетворении жалобы, либо об отказе в удовлетворении при отсутствии нарушения прав заявителя.

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) // Российская газета. 2009.

² Постановление Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28 ноября 2025 г. по материалу № 3/10-1291/2025 (жалоба Поворотова С.С.) // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Санкт-Петербурга. URL: <https://primorsky--spb.sudrf.ru> (дата обращения: 14.12.2025).

Критерии оценки законности и обоснованности процессуальных решений при судебном обжаловании. При рассмотрении жалоб на постановления об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении уголовного дела суды проверяют соблюдение органом дознания или следствия требований уголовно-процессуального закона при принятии соответствующего решения.

Как обоснованно отмечает И.В. Шаров, судебная практика выработала устойчивые критерии оценки: суд не вправе предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела, однако обязан проверить, была ли проведена процессуальная проверка в полном объеме, все ли версии проверены, все ли необходимые следственные действия совершены¹. Нарушение указанных требований влечет признание постановления должностного лица незаконным и необоснованным с возложением обязанности устранить допущенные нарушения.

Одной из наиболее чувствительных сфер судебного контроля является защита прав потерпевших, чьи законные интересы могут быть нарушены не только бездействием органов расследования, но и преждевременным либо необоснованным прекращением уголовного дела.

Судебная практика по жалобам потерпевших на постановления о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (статья 25 УПК РФ) либо в связи с деятельным раскаянием (статья 28 УПК РФ) демонстрирует дифференцированный подход: суды проверяют, было ли примирение добровольным и осознанным, заглажен ли причиненный потерпевшему вред в полном объеме².

При установлении фактов, свидетельствующих о том, что прекращение уголовного дела не соответствует целям и задачам уголовного судопроизводства, суды отменяют соответствующие постановления и возвращают материалы руководителю следственного органа для дальнейшего расследования.

¹ Шаров И.В. Судебный контроль за процессуальными решениями и действиями органов предварительного расследования // Российский судья. 2024. № 5. С. 32-36.

² Афанасьев А.Ю., Федотов И.С. Указ. соч. С. 44-48.

Выводы по результатам анализа реализации основных прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве России.

Проведенное в настоящем параграфе исследование реализации основных прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве России, осуществленное на основе анализа нормативных предписаний, доктринальных позиций и судебной практики рассмотрения жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ, позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Реализация прав и законных интересов личности в российском уголовном процессе строится на системе процессуальных гарантий, центральное место среди которых занимает институт судебного обжалования действий (бездействия) и решений органов дознания и предварительного следствия. Статья 125 УПК РФ выступает ключевым правовым механизмом, обеспечивающим оперативное восстановление нарушенных прав на досудебных стадиях производства. Анализ судебной практики показывает, что данный институт востребован участниками уголовного судопроизводства, а количество ежегодно подаваемых жалоб неуклонно возрастает, что свидетельствует о росте правовой грамотности населения и одновременно о сохранении проблемных зон в деятельности органов предварительного расследования.

2. В структуре жалоб, подаваемых в порядке статьи 125 УПК РФ, традиционно выделяются три основные категории: жалобы на бездействие органов расследования, выражающееся в непринятии мер к розыску имущества и затягивании сроков производства по делу (около 42%); жалобы на постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, обусловленные формальным проведением доследственных проверок (около 31%); а также жалобы на решения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (около 20%).

Каждая из указанных категорий имеет устойчивую правовую позицию судов, сформированную в том числе разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

3. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что наиболее уязвимой сферой реализации прав личности остается стадия возбуждения уголовного дела. Типичными нарушениями, влекущими удовлетворение судами жалоб заявителей, являются: отсутствие или неполное проведение проверочных действий, предусмотренных статьей 144 УПК РФ; игнорирование доводов заявителя о наличии признаков преступления; формальное указание на отсутствие состава преступления без надлежащего исследования всех обстоятельств. Указанные дефекты правоприменения прямо нарушают право граждан на доступ к правосудию, гарантированное статьей 46 Конституции Российской Федерации.

4. Судебный контроль за законностью задержания и избрания мер пресечения, несмотря на законодательные новеллы последних лет, продолжает сталкиваться с проблемой так называемого «фактического задержания» — ситуации, при которой лицо реально ограничено в свободе передвижения, однако формальный статус задержанного ему не присвоен, а, следовательно, не разъяснены в полном объеме права, предусмотренные статьей 46 УПК РФ. Как показал анализ судебных решений, суды в большинстве случаев признают такие действия незаконными, однако массовый характер данного явления (в настоящем исследовании, проведенном на базе СО ОМВД по Магарамкентскому району, 48% опрошенных сотрудников указали на наличие подобных ситуаций в их практике) свидетельствует о системной проблеме, требующей не только судебного реагирования, но и законодательного урегулирования.

5. Реализация законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, в отличие от субъективных прав, не обеспечена прямой корреспондирующей обязанностью публичных органов, однако судебная практика выработала механизмы их защиты через институт статьи 125 УПК РФ. В частности, законный интерес потерпевшего в разумной скорости расследования и привлечении виновного к ответственности защищается через обжалование бездействия следователя; законный интерес обвиняемого в избрании более мягкой меры пресечения, не связанной с изоляцией от общества,

через обжалование постановления о заключении под стражу. Таким образом, судебный контроль фактически компенсирует недостаточную нормативную определенность категории «законный интерес», обеспечивая его охрану через механизм обжалования решений и действий, нарушающих принципы уголовного судопроизводства.

6. Анализ апелляционной практики вышестоящих судов показывает, что основными критериями законности и обоснованности решений судов первой инстанции при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ выступают: полнота проверки доводов заявителя; соблюдение баланса между публичными интересами раскрытия преступления и частными интересами личности; недопустимость предрешения вопросов, которые могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела. При этом апелляционная инстанция в целом поддерживает подходы судов первой инстанции к защите прав граждан, что свидетельствует о сложившейся единообразной практике применения статьи 125 УПК РФ.

7. Общий вывод по параграфу заключается в следующем. Действующая уголовно-процессуальная модель реализации прав и законных интересов личности в России формально соответствует конституционным и международным стандартам, однако ее практическая эффективность снижается из-за системных недостатков на стадии предварительного расследования, в частности: формального отношения к проведению процессуальных проверок, распространенности «фактического задержания», а также недостаточного уровня правовой культуры отдельных сотрудников органов дознания и следствия. Институт судебного контроля, предусмотренный статьей 125 УПК РФ, выступает действенным, но по сути «аварийным» механизмом восстановления нарушенных прав, который не устраняет причины нарушений, а лишь констатирует их последствия. Для повышения уровня реальной защищенности прав и законных интересов личности необходимо не столько расширение перечня процессуальных прав, сколько совершенствование механизмов ведомственного контроля и прокурорского надзора на досудебных

стадиях, а также повышение профессиональной ответственности должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование.

Глава 2. Проблемы и пути совершенствования механизмов защиты прав в уголовном процессе

§1. Основные проблемы реализации прав граждан ввиду нарушений со стороны сотрудников органов внутренних дел России

Деятельность органов внутренних дел по своей правовой природе сопряжена с возможностью применения мер государственного принуждения, что объективно создает повышенные риски нарушения прав и законных интересов граждан.

Несмотря на конституционное закрепление приоритета прав человека и развернутую нормативно-правовую базу, регламентирующую деятельность полиции, правоприменительная практика системно демонстрирует наличие устойчивых проблемных зон.

Анализ доктринальных источников, материалов прокурорского надзора, решений судов и обращений граждан к Уполномоченному по правам человека позволяет классифицировать указанные проблемы по следующим основным блокам:

- 1) нарушения процессуальных прав граждан при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях;
- 2) применение незаконных методов при производстве процессуальных действий и задержании;
- 3) нарушения служебной дисциплины, влекущие умаление конституционных прав;
- 4) дефекты ведомственного и вневедомственного контроля за законностью действий сотрудников.

Одной из наиболее распространенных сфер, где фиксируются нарушения прав граждан, является деятельность ОВД по приему, регистрации и разрешению заявлений и сообщений о преступлениях.

Как справедливо отмечают процессуалисты, правовое регулирование организации работы с обращениями граждан в органах внутренних дел содержит ряд коллизий и пробелов, обуславливающих недостаточно эффективное юридическое воздействие.

К числу типичных нарушений относятся: необоснованные отказы в возбуждении уголовного дела при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления; формальное проведение процессуальных проверок без совершения необходимых следственных действий; волокита при рассмотрении заявлений, выражающаяся в нарушении установленных УПК РФ сроков; а также неполное информирование заявителей о принятых процессуальных решениях и порядке их обжалования¹.

Иллюстративной является практика, приведенная Уполномоченным по правам человека в РФ: по обращению пенсионерки, инвалида 2-й группы, лишившейся единственного жилья в результате мошеннических действий, органом дознания ОМВД России по Даниловскому району г. Москвы было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Вмешательство прокурора, отменившего данное решение, и Уполномоченного позволило установить, что процессуальная проверка проведена неполно, а впоследствии – возбудить уголовное дело по ст. 159 УК РФ².

Данный случай демонстрирует системную проблему: нередко должностные лица ОВД ориентированы не на всестороннее и полное установление обстоятельств, а на формальное «закрытие» материала проверки, что прямо нарушает право граждан на доступ к правосудию.

Наиболее резонансной и проблемной сферой, затрагивающей фундаментальные права личности, является применение сотрудниками полиции

¹ Кулаков В.А. Законный интерес как категория уголовно-процессуального права // Российский судья. 2024. № 3. С. 18-21.

² Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 год. – Москва, 2026.

физической силы, специальных средств, а также недозволенных методов воздействия при задержании и допросе.

Как подчеркивается в научной литературе, проверка заявлений о применении недозволенных методов следствия и дознания нередко проводится формально и поверхностно. Приведем показательный пример: гражданин К., осужденный за убийство, в кассационной жалобе утверждал, что признательные показания были даны им в результате неправомерных действий и психического воздействия со стороны сотрудников полиции. Аналогичные факты фиксируются и омбудсменом: в обращении гражданки Т. сообщалось о применении сотрудниками полиции физической силы и других незаконных методов воздействия при задержании; первоначально в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников было отказано, и лишь после заключения Уполномоченного по правам человека уголовное дело было возбуждено.

Особую остроту проблема приобретает в контексте противодействия пыткам в системе уголовной юстиции. Как отметила член Комитета СФ по конституционному законодательству Л.Б. Нарусова в ходе круглого стола, посвященного практике применения поправок в УК РФ о пытках, одной из главных проблем является недостаточная координация между различными государственными органами и сложность доказывания вины сотрудников правоохранительных органов, часто связанная с отсутствием четкого определения понятий и процедурных механизмов.

Участники дискуссии констатировали, что законодательные новеллы являются важным шагом, однако требуют дальнейшей проработки и внедрения эффективных мер контроля и профилактики. На практике проблема усугубляется «корпоративной солидарностью» и нежеланием вышестоящих руководителей признавать факты нарушений со стороны подчиненных¹. Сенатором был приведен конкретный случай: гражданин самостоятельно явился

¹ Выступление Л.Б. Нарусовой на круглом столе «Практика применения поправок в УК РФ о пытках» (стенограмма) // Совет Федерации. Материалы парламентских слушаний. 2025.

в отдел полиции для составления протокола об административном правонарушении, однако в отделении был задержан, и при этом сотрудники полиции сломали ему руку. Проведенная проверка первоначально завершилась отказом в возбуждении уголовного дела, которое впоследствии был признан незаконным и отменен прокурором.

Нарушения служебной дисциплины как детерминанта нарушения прав граждан. Как обоснованно отмечают В.Г. Коврова и А.В. Куракин, вопросы охраны и защиты прав граждан в деятельности органов внутренних дел имеют ключевое значение, а нарушения служебной дисциплины сотрудниками самым непосредственным образом касаются нарушения прав граждан¹. Авторы подчеркивают, что обеспечение служебной дисциплины в органах внутренних дел служит залогом и основой защиты и охраны прав и свобод российских граждан.

Следовательно, любое ослабление дисциплинарных требований, формальное отношение к фактам дисциплинарных проступков со стороны руководства создает благоприятную среду для злоупотреблений и прямых нарушений конституционных прав.

К грубым нарушениям служебной дисциплины, непосредственно затрагивающим права граждан, относятся: превышение должностных полномочий, незаконное ограничение свободы, фальсификация материалов административного или уголовного дела, разглашение персональных данных. Ярким примером последнего является уголовное дело, рассмотренное Суземским районным судом Брянской области в 2025 году: бывшая сотрудница полиции обвинялась в совершении 34 эпизодов неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, содержащей персональные данные граждан, с использованием своего служебного положения, а также в

¹ Коврова В.Г. Административно-правовая охрана и защита прав граждан в деятельности органов внутренних дел / В.Г. Коврова, А.В. Куракин // Административное право и процесс. 2025. № 1. С. 22–25.

совершении действий, явно выходящих за пределы ее полномочий¹. Данный случай иллюстрирует не только факт служебного злоупотребления, но и системную проблему контроля за доступом сотрудников к ведомственным информационным системам.

Эффективность механизмов защиты прав граждан напрямую зависит от качества контрольной деятельности.

Как справедливо отмечается в исследовании, посвященном взаимодействию Уполномоченного по правам человека и органов внутренних дел, актуальной проблемой является отсутствие разработанных критериев оценки эффективности такого взаимодействия.

Ведомственный контроль (внутренние проверки, рапорты, отчеты) нередко носит формальный характер, а система прокурорского надзора, несмотря на свою значимость, сталкивается с проблемой перегруженности и недостаточности ресурсов для полноценной проверки каждого случая. Как показывает практика, многие нарушения вскрываются лишь после обращения граждан к уполномоченному по правам человека или в средства массовой информации, что свидетельствует о недостаточной эффективности штатных контрольных механизмов.

Отдельного внимания заслуживает проблема доказывания вины сотрудников полиции. Как следует из анализа судебной практики и материалов прокурорских проверок, потерпевшие от неправомерных действий сотрудников сталкиваются с серьезными препятствиями при сборе доказательств: видеозаписи и показания свидетелей могут быть утрачены или сфальсифицированы, а сам факт нахождения лица в изоляции от общества создает условия для искажения обстоятельств произошедшего.

В этой связи предложения о создании межведомственной комиссии по расследованию нарушений прав человека, состоящей из представителей

¹ Определение Суземского районного суда Брянской области от 20.08.2025 г. № 203/3/2025. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2025 г.)

различных государственных структур и общественных организаций, а также об обучении сотрудников правоохранительных органов методикам выявления и предотвращения пыток представляются обоснованными и своевременными.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что основные проблемы реализации прав граждан в деятельности органов внутренних дел носят системный характер и детерминированы как объективными факторами (сложность доказывания, недостаточность ресурсов), так и субъективными (низкий уровень профессиональной правовой культуры отдельных сотрудников, дефекты дисциплинарной практики).

Преодоление указанных проблем требует не только совершенствования нормативной правовой базы, но и внедрения эффективных механизмов контроля, повышения прозрачности деятельности ОВД, а также формирования в служебных коллективах нетерпимого отношения к нарушениям прав граждан.

§ 2. Анализ правоприменительной практики в территориальном органе внутренних дел по вопросам проблем реализации прав граждан

В целях верификации теоретических положений, изложенных в первой главе настоящего исследования, а также для выявления реального уровня правосознания, типичных профессиональных деформаций и практических трудностей, возникающих при реализации уголовно-процессуальных механизмов обеспечения прав личности, было проведено анкетирование и интервьюирование практических сотрудников следственного отделения ОМВД России по Магарамкентскому району, а также рассмотрение эмпирической основы отдела (см. приложение 1, 2, 3)¹.

¹ Уголовное дело № 0000001 // Арх. СО ОМВД РФ по Магарамкентскому району Республики Дагестан. Оп. 1. 156 л.

Одновременно проанализированы статистические данные о количестве жалоб, поступивших на действия (бездействие) сотрудников указанного органа за период 2022–2025 гг.

Эмпирическую базу данного фрагмента работы составили:

Анкета состояла из трёх тематических блоков:

- 1) знание нормативной базы обеспечения прав личности;
- 2) практические аспекты применения мер принуждения;
- 3) мнение об эффективности контрольных механизмов.

На вопрос «Каким нормативным актом Вы руководствуетесь в первую очередь при решении вопроса о необходимости разъяснения прав участнику?» 100% респондентов указали УПК РФ.

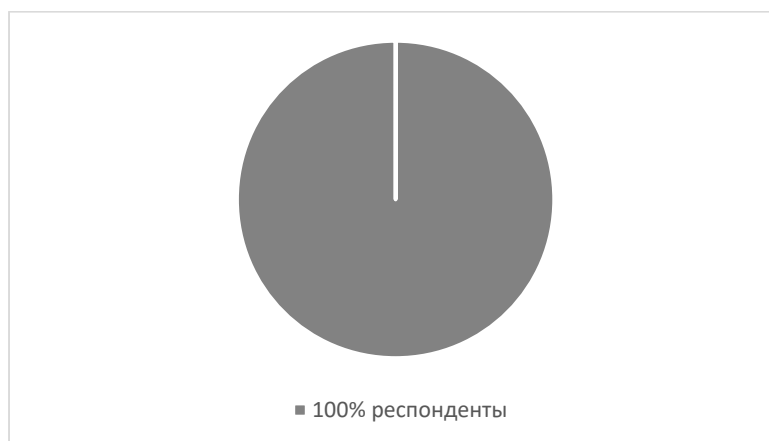

Рис 1. Нормативно-правовой акт.

На вопрос «Как часто в Вашей практике имеет место ситуация, когда лицо, находящееся в отделе полиции более 3 часов, не наделено статусом задержанного?» распределение ответов показало: «редко, но бывает» – 48% (13 чел.), «регулярно» – 15% (4 чел.), «никогда, так как это грубое нарушение» – 37% (10 чел.). При этом в интервью сотрудники со стажем аргументировали отказ от процессуального оформления задержания «тактическими соображениями» (проведение оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела).

Данный факт свидетельствует о глубине проблемы «фактического задержания», прямо нарушающей ст. 91-92 УПК РФ и ч. 2 ст. 22 Конституции РФ.

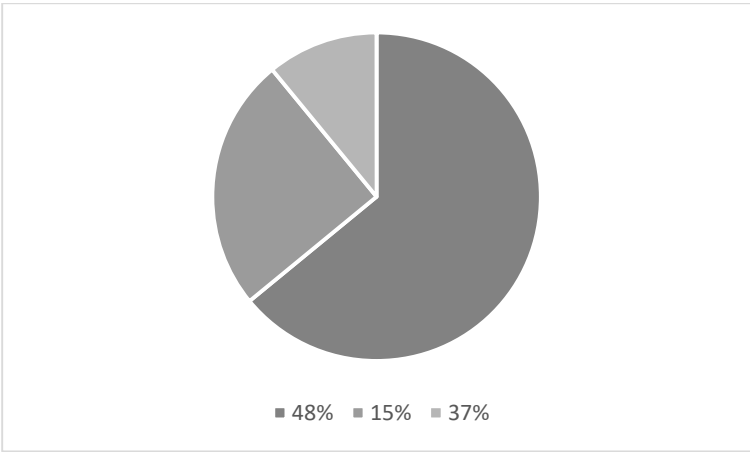

Рис 2. Статус задержанного.

82% (22 чел.) респондентов признались, что для экономии времени используют шаблонные уведомления и протоколы, где права разъяснены без конкретики применительно к статусу участника. В интервью старший следователь пояснил: «Если человек сразу говорит «буду молчать», мы вписываем ст. 51 Конституции РФ, но разъяснять ему право ходатайствовать о конкретном защитнике и о бесплатной юридической помощи – это чаще забывают, особенно когда он не арестован, а просто свидетель».

Вывод: механизм обеспечения права на защиту (ст. 16 УПК РФ и ст. 11 УПК РФ) реализуется формально, нарушая конституционный принцип презумпции невиновности.

Анализ статистических данных за 2022–2025 гг. выявил устойчивую динамику роста обращений граждан, в том числе признанных обоснованными.

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Всего поступило жалоб в порядке	14	19	27	31

ст. 124, 125 УПК РФ				
Из них признано обоснованными (удовлетворено прокурором / судом)	3 (21,4%)	5 (26,3%)	9 (33,3%)	12 (38,7%)
Из них жалоб на незаконное задержание или продление срока	2	4	8	11
Количество служебных проверок по фактам нарушения прав	1	2	4	5

Таблица 1 – Сведения о жалобах на действия сотрудников СО ОМВД России по
Магарамкентскому району

Как видно из приведённых данных, общее число жалоб за четыре года увеличилось более чем в два раза (с 14 до 31), при этом доля обоснованных жалоб выросла с 21,4% до 38,7%.

Наиболее проблемной областью являются жалобы на незаконное задержание и несвоевременное процессуальное оформление статуса задержанного: их количество выросло с 2 в 2022 году до 11 в 2025 году (в 5,5 раз).

Данный аспект, по мнению респондентов-руководителей, связан как с повышением правовой грамотности населения, возможно использование мобильных телефонов для фиксации времени нахождения в ОВД, так и с сохранением «обвинительного уклона» на уровне рядовых следователей и оперативных сотрудников.

Интервьюируемый дознаватель со стажем 10 лет пояснил: Любой защитник подаст ст. 125 УПК, если мы затянули с доставлением в суд на 3 часа. Судья встаёт на сторону заявителя, возвращает материалы. Но наша ситуация

такова, что уделить каждому лично 20 минут на детальное разъяснение прав физически невозможно».

Данная позиция отражает объективное противоречие между высокой нагрузкой на сотрудника СО ОМВД по Магарамкентскому району (по данным штабной отчётности – 1,8 следователя на 1000 населения) и требованием индивидуализированного подхода к обеспечению прав.

Обобщение результатов анкетирования и статистики жалоб позволяет выделить следующие системные проблемы в реализации уголовно-процессуальной модели обеспечения прав человека именно на уровне территориального органа:

1. законодательный пробел (отсутствие чёткой регламентации момента начала фактического ограничения свободы) и правоприменительная практика (до 15% сотрудников допускают тактику «дооформления статуса» задним числом) порождают массу обоснованных жалоб. Требуется внесение изменений в ст. 91 УПК РФ, определяющих, что отсчёт срока задержания начинается с момента реального воспрепятствования передвижению лица сотрудником полиции;

2. 82% сотрудников не дифференцируют разъяснение прав в зависимости от статуса (свидетель – подозреваемый – обвиняемый) и его индивидуальных особенностей (язык, состояние здоровья). Предлагается ввести в СО ОМВД по Магарамкентскому району практику проведения ежеквартальных учебных занятий с моделированием кейсов на тему «Права участников: от теории к протоколу».

3. лишь 19% знают позицию ЕСПЧ по недопустимости продления стражи. Рекомендуется включить в тематику служебной подготовки специализированный модуль «Международные стандарты прав человека в работе следователя».

4. прирост числа удовлетворённых жалоб на 17,3 процентных пункта за 3 года свидетельствует о недостаточной профилактической работе руководителя СО и отдела собственной безопасности.

Проведённое эмпирическое исследование на базе СО ОМВД России по Магарамкентскому району подтвердило наличие разрыва между нормативной моделью уголовно-процессуального регулирования (ст. 11, 91, 125 УПК РФ) и реальной правоприменительной практикой.

Типичными нарушениями остаются незаконное фактическое задержание, формальное разъяснение права на защиту и игнорирование международных стандартов.

Динамика жалоб свидетельствует не столько о «срабатывании» механизмов судебного контроля, сколько о системном дефекте на уровне первичного процессуального поведения. Предложенные в настоящем параграфе меры организационного и методического характера, при их внедрении в деятельность СО ОМВД по Магарамкентскому району, позволят снизить количество нарушений прав граждан до социально приемлемого уровня.

Также анализ апелляционной практики Верховного Суда Республики Дагестан показывает, что вышестоящая инстанция в подавляющем большинстве случаев соглашается с выводами судов первой инстанции об удовлетворении жалоб, однако в отдельных решениях корректирует правовые позиции нижестоящих судов.

Так, в определении от 20 ноября 2025 года по делу № 22-1876/2025 Верховный Суд Республики Дагестан указал, что суд первой инстанции не вправе предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела, в частности давать оценку доказательствам с точки зрения их достаточности для вывода о виновности лица¹.

Признавая отдельные формулировки суда первой инстанции излишне категоричными, апелляционная инстанция вместе с тем подтвердила законность

¹ Определение Верховного Суда Республики Дагестан от 20 ноября 2025 г. № 22-1876/2025 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.11.2025 г.)

удовлетворения жалобы заявителя, указав, что допущенные нарушения носят процедурный характер и подлежат устранению.

Важным результатом проведенного анализа судебной практики является вывод о том, что институт судебного контроля, предусмотренный статьей 125 УПК РФ, выступает действенным механизмом восстановления нарушенных прав граждан на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Вместе с тем сохранение высокой доли удовлетворенных жалоб свидетельствует о том, что превентивная функция ведомственного контроля и прокурорского надзора реализуется недостаточно эффективно. Многие нарушения, впоследствии признаваемые судами незаконными, могли быть выявлены и устранены на более ранних этапах производства по делу.

Полученные в ходе анализа судебной практики выводы дополняют и подтверждают результаты эмпирического исследования, проведенного в СО ОМВД России по Магарамкентскому району.

§ 3. Направления оптимизации уголовно-процессуальных механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина

Проведенный в предыдущих параграфах анализ действующей уголовно-процессуальной модели механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина, а также выявленные системные проблемы правоприменительной деятельности органов внутренних дел, позволяют сформулировать комплекс направлений ее оптимизации.

Как справедливо отмечается в науке уголовно-процессуального права, совершенствование процессуальной формы должно носить не фрагментарный, а системный характер, учитывая, как международно-правовые стандарты, так и правовые традиции и реалии правоприменения.

В контексте задач настоящего дипломного исследования представляется целесообразным выделить следующие ключевые направления оптимизации:

- 1) совершенствование нормативно-правового регулирования мер процессуального принуждения;
- 2) оптимизацию института судебно-экспертного обеспечения прав участников процесса;
- 3) расширение гарантий права на защиту и доступ к правосудию;
- 4) повышение эффективности контрольных механизмов за деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

Совершенствование нормативно-правового регулирования мер процессуального принуждения. Одним из наиболее значимых векторов реформирования уголовно-процессуального законодательства в 2025 году стало существенное обновление института заключения под стражу. Федеральным законом от 28 февраля 2025 года № 13-ФЗ в статью 108 УПК РФ¹ был внесен ряд принципиальных изменений, направленных на гуманизацию мер пресечения и расширение гарантий прав лиц, в отношении которых применяется самое строгое ограничение свободы.

Во-первых, законодатель ввел дополнительный критерий для применения заключения под стражу – насильственный характер преступления, что позволяет дифференцированно подходить к избранию меры пресечения в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния.

Во-вторых, существенно расширен круг «льготных» категорий лиц, к которым данная мера пресечения применяется с оговорками либо не может применяться вовсе.

Помимо традиционных категорий (несовершеннолетние, предприниматели), в этот перечень включены беременные женщины, женщины и мужчины, являющиеся единственными родителями малолетних детей, а также лица, страдающие тяжелыми заболеваниями, включенными в утвержденный Правительством РФ Перечень. Императивное предписание о невозможности

¹ О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 9. Ст. 1245.

помещения под стражу лиц с указанными заболеваниями – важная гарантия, ставящая охрану жизни и здоровья обвиняемого выше публичных интересов уголовного преследования.

Вместе с тем, как обоснованно отмечает известный процессуалист, федеральный судья в отставке С.А. Пашин¹, отдельные нормы обновленной редакции ст. 108 УПК РФ вызывают обоснованную критику.

Прежняя редакция связывала возможность заключения под стражу со сроками лишения свободы, тогда как теперь основным фактором сделана категория преступления. Однако преступления небольшой тяжести далеко не всегда наказываются лишением свободы, в связи с чем у правоприменителей может сложиться ложное представление о возможности заключения под стражу подозреваемого даже в том случае, если ему в принципе не грозит реальное лишение свободы.

Кроме того, в законе по-прежнему отсутствует имплементация правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 22 марта 2018 г. № 12-П², согласно которой избрание меры пресечения даже в виде домашнего ареста возможно только при условии, что лицу грозит наказание в виде лишения свободы. Представляется необходимым устранить указанные законодательные противоречия, унифицировав критерии применения мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества.

В контексте совершенствования института заслуживает внимания и опыт зарубежных правовых порядков. Как отмечается в доктрине, в Израиле, например, максимальный срок содержания под стражей до суда составляет 90 дней, при этом продление срока свыше 30 суток требует санкции юридического советника правительства, а свыше 75 суток – только Верховного суда.

¹ Пашин С.А. Новеллы института заключения под стражу: достоинства и риски правоприменения // Уголовное судопроизводство. 2025. № 3. С. 47-52.

² По делу о проверке конституционности части первой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Беляева : Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П // Российская газета. 2018.

Более того, следователь, задержавший лицо, обязан доставить его в суд для новой проверки наличия оснований ареста; ордер на арест, не реализованный в течение определенного срока, утрачивает силу¹.

В российском уголовном процессе, к сожалению, сохраняются чрезмерно длительные сроки содержания под стражей, что подтверждается и практикой Конституционного Суда РФ, отказывавшегося по формальным основаниям рассматривать жалобы граждан на конституционность существующих «грандиозных сроков» предварительного заключения².

Оптимизация данного института должна предусматривать введение обязательного судебного контроля за законностью задержания в течение 48 часов с момента фактического лишения свободы.

Оптимизация института судебно-экспертного обеспечения прав участников процесса. Одной из актуальных проблем, непосредственно влияющих на реализацию права на защиту и доступ к правосудию, являются чрезмерные сроки производства судебных экспертиз в государственных экспертных учреждениях и, как следствие, затягивание сроков предварительного расследования.

В ходе заседания Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, состоявшегося 11 ноября 2025 года, руководителем Национального исследовательского института судебной экспертизы В.В. Бегезой была выдвинута концептуальная инициатива о внесении поправок в УПК РФ³, предусматривающих возможность оплаты

¹ Гельфанд И.А. Гарантии habeas corpus в уголовном процессе Израиля: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 2. С. 112-120.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Н. на нарушение его конституционных прав статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 515-О // СПС «КонсультантПлюс».

³ Стенограмма заседания Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации на тему «Актуальные проблемы судебно-экспертного обеспечения уголовного судопроизводства» от 11 ноября 2025 г. // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ. – URL: <https://ombudsmanrf.org> (дата обращения: 14.11.2025).

судебных экспертиз стороной по делу (представителем подозреваемого, потерпевшим) в случаях, когда назначенные судом или следствием экспертизы не выполняются своевременно за счет государственных средств либо сроки ожидания в государственных экспертных учреждениях являются чрезмерно длительными.

Данная мера позволит при необходимости оперативно оплатить производство экспертизы стороной в установленном размере и в установленные сроки при условии официального назначения такой экспертизы.

Представляется, что предлагаемый механизм, при условии его детальной регламентации, способен существенно повысить оперативность уголовного судопроизводства и обеспечить реальную состязательность сторон в части представления доказательств.

При этом для предотвращения злоупотреблений необходимо установить:

а) предельный размер расходов на оплату экспертизы, подлежащих компенсации за счет средств федерального бюджета в случае оправдания подсудимого или прекращения дела по реабилитирующим основаниям;

б) требования к независимым экспертным организациям, привлекаемым стороной, включая наличие аккредитации и профессиональной ответственности.

Также требует законодательного урегулирования вопрос о статусе государственных вузов, осуществляющих судебно-экспертную деятельность. Поскольку для университетов судебно-экспертная работа не является основной деятельностью, необходима разработка особых нормативных требований к участию вузов в судебно-экспертном обеспечении правосудия, отличных от требований, предъявляемых к профильным государственным экспертным учреждениям (ЭКЦ МВД, СЭЦ СК, РФЦСЭ Минюста).

Расширение гарантий права на защиту и доступ к правосудию. Значимым шагом на пути оптимизации уголовно-процессуальных механизмов является изменение правового режима уголовных дел о клевете. Федеральным законом от 7 июня 2025 года № 146-ФЗ ст. 20 УПК РФ изложена в новой редакции, в соответствии с которой дела о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 128.1 УК

РФ (клевета без отягчающих обстоятельств), переведены из категории дел частного обвинения в категорию дел частно-публичного обвинения¹.

Данное изменение преследует цель укрепления гарантий правосудия и повышения уровня уголовно-правовой защиты лиц, пострадавших от клеветы. Основное бремя доказывания по таким уголовным делам возлагается на правоохранительные органы, что обеспечивает более тщательное исследование обстоятельств совершения клеветы в ходе обязательного предварительного расследования.

Кроме того, в случае примирения обвиняемого с потерпевшим решение о прекращении уголовного дела принимается судом не безусловно, а с учетом всех обстоятельств дела и сведений о личности обвиняемого. Такой подход позволяет исключить судебное рассмотрение дел, по которым отсутствует подтверждение наличия события и состава соответствующего преступления.

Вместе с тем, как справедливо отмечает С.А. Пашин², перевод клеветы в разряд частно-публичных обвинений имеет и обратную сторону: человек не может преследовать обидчика без согласия должностных лиц правоохранительных органов. Это создает риск необоснованных отказов в возбуждении уголовного дела при явных признаках преступления, если инициатива не совпадает с «ведомственным интересом».

Для минимизации указанного риска необходимо законодательно закрепить обязанность органов дознания и следствия мотивировать отказ в возбуждении уголовного дела по заявлению потерпевшего о клевете с возможностью обжалования такого отказа в вышестоящий орган и суд в ускоренном порядке.

Важным направлением оптимизации является также расширение прав осужденного на обжалование судебных решений. Как обоснованно отмечает

¹ О внесении изменений в статьи 20 и 147 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 07.06.2025 № 146-ФЗ // Российская газета. – 2025. – 10 июня.

² Пашин С.А. Изменение подследственности по делам о клевете: возврат к советской модели? // Законность. 2025. № 7. С. 23-26.

С.А. Пашин¹, не следует ограничивать человека в праве обратить внимание суда на свое дело. Действующее процессуальное законодательство, предусматривая институт поворотного исполнения приговора при отмене оправдательного приговора, создает дисбаланс в положении стороны обвинения и стороны защиты.

Представляется необходимым:

а) закрепить в УПК РФ право осужденного на неограниченное количество повторных жалоб в порядке надзора при условии указания на новые, ранее не исследовавшиеся судом обстоятельства;

б) исключить возможность поворота к худшему при пересмотре приговора по жалобе осужденного.

Повышение эффективности контрольных механизмов за деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Как показал анализ проблем реализации прав граждан в деятельности ОВД, одним из системных дефектов является недостаточная эффективность ведомственного контроля и прокурорского надзора².

В этой связи заслуживает внимания предложение участников Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека о создании межведомственной комиссии по расследованию нарушений прав человека в уголовном процессе, состоящей из представителей различных государственных структур и общественных организаций. Такая комиссия могла бы наделяться полномочиями по независимой проверке заявлений о пытках, незаконных методах следствия и иных грубых нарушениях прав участников процесса.

Кроме того, важным направлением оптимизации является цифровизация уголовного судопроизводства и внедрение элементов электронного правосудия.

Введение видео-конференц-связи для свиданий адвоката с арестованным, предусмотренное Приказом Минюста России от 27 января 2025 года № 7 (п.

¹ Пашин С.А. Недопустимость поворота к худшему: пределы действия принципа // Уголовное право. 2025. № 2. С. 58-63.

² Шаров И.В. Указ. соч. С. 32-36.

179(1) Правил внутреннего распорядка СИЗО)¹, является шагом в правильном направлении. Однако, как справедливо отмечается, не решена проблема очередей при допуске адвокатов в следственные изоляторы, а также не обеспечена подлинная конфиденциальность свиданий в условиях, когда оперативно-розыскные мероприятия в СИЗО продолжают проводиться.

Представляется необходимым законодательно закрепить гарантии адвокатской тайны при использовании видео-конференц-связи, включая запрет на запись и прослушивание таких переговоров, с установлением уголовной ответственности за их нарушение.

Итак, системная оптимизация уголовно-процессуальных механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина должна осуществляться по следующим приоритетным направлениям:

1) дальнейшая гуманизация мер процессуального принуждения с установлением разумных предельных сроков содержания под стражей и расширением альтернативных мер пресечения;

2) совершенствование института судебной экспертизы с внедрением механизмов альтернативного экспертного обеспечения и четкой регламентацией статуса негосударственных экспертных организаций;

3) расширение гарантий права на защиту и доступа к правосудию, включая право на многократное обжалование приговоров при наличии новых обстоятельств;

4) повышение эффективности контрольных механизмов через создание межведомственных структур и цифровизацию процессуальной деятельности.

Реализация указанных направлений позволит сформировать сбалансированную модель уголовного судопроизводства, в которой публичные

¹ О внесении изменений в Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденные Приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110 : Приказ Минюста России от 27.01.2025 № 7 (зарегистрирован в Минюсте России 28.01.2025 № 81057). – П. 1 (подп. «б» п. 179.1).

интересы раскрытия преступлений будут гармонично сочетаться с приоритетом охраны прав и законных интересов личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в рамках настоящей дипломной работы исследование уголовно-процессуальной модели механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина (на материалах территориального органа внутренних дел) позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

По итогам анализа нормативно-правовых основ и доктринальных подходов установлено, что действующая уголовно-процессуальная модель обеспечения прав человека представляет собой многоуровневую систему, включающую конституционные гарантии (ст. 2, 22, 46, 48, 51 Конституции РФ), международно-правовые стандарты (Европейская конвенция о защите прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах) и отраслевое законодательство (УПК РФ, Федеральный закон «О полиции», ведомственные акты МВД России). Системообразующей нормой выступает ст. 11 УПК РФ, закрепляющая обязанность суда, прокурора, следователя и дознавателя разъяснять участникам процесса их права и обеспечивать возможность их реализации.

Анализ основных проблем реализации прав граждан в деятельности органов внутренних дел позволил систематизировать типичные нарушения по блокам:

- необоснованные отказы в возбуждении уголовного дела, волокита при проведении процессуальных проверок, формальное информирование заявителей о принятых решениях;
- превышение должностных полномочий, фальсификация материалов дела, неправомерный доступ к персональным данным;
- формальный характер ведомственных проверок, перегруженность прокурорского надзора, сложность доказывания вины сотрудников полиции, обусловленная «корпоративной солидарностью».

Эмпирическое исследование, проведенное на базе СО ОМВД России по Магарамкентскому району, включавшее анкетирование 27 сотрудников (84% штатной численности), глубинные интервью с 6 респондентами и анализ динамики жалоб за 2022–2025 гг., позволило получить следующие результаты:

- За четыре года общее количество жалоб в порядке ст. 124 и 125 УПК РФ возросло с 14 до 31, при этом доля обоснованных жалоб увеличилась с 21,4% до 38,7%.

Наиболее проблемной сферой признаны жалобы на незаконное задержание и несвоевременное процессуальное оформление статуса: их количество выросло в 5,5 раза (с 2 в 2022 г. до 11 в 2025 г.).

82% опрошенных сотрудников признали, что используют шаблонные формулировки при разъяснении прав, не дифференцируя их в зависимости от процессуального статуса участника и его индивидуальных особенностей.

48% сотрудников указали на наличие в их практике ситуаций, когда лицо, находящееся в отделе полиции более 3 часов, не наделялось статусом задержанного (феномен «фактического задержания»).

На основе выявленных проблем разработаны направления оптимизации уголовно-процессуальных механизмов, включающие:

- закрепление предельного (не более 12 месяцев) срока содержания под стражей на стадии предварительного расследования с правом дальнейшего продления только по решению суда субъекта РФ при наличии исключительных обстоятельств.
- введение обязательного судебного контроля за законностью задержания в течение 48 часов с момента фактического лишения свободы.

Анализ судебной практики рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ показал, что институт судебного контроля является действенным механизмом восстановления нарушенных прав, однако нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Предлагается законодательно сократить срок рассмотрения жалоб до 5 суток (с действующих 14) и унифицировать подходы к определению предмета

обжалования путем внесения соответствующих разъяснений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 10 февраля 2009 года.

Научная новизна и перспективы исследования. В ходе работы уточнено понятие «фактического задержания» как правового феномена, широко распространенного в правоприменительной практике. Предложено авторское определение: фактическое задержание, есть реальное ограничение свободы передвижения лица сотрудником правоохранительного органа, осуществляемое без составления протокола, влекущее возникновение у задержанного права на защиту и требующее официального процессуального оформления в кратчайшие сроки, не превышающие 3 часов.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка механизмов обеспечения прав участников уголовного судопроизводства при использовании искусственного интеллекта в процессуальной деятельности (автоматизированные системы оценки доказательств, видеофиксация следственных действий).

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о наличии системного разрыва между конституционно-правовой моделью защиты прав человека и ее реализацией на уровне территориального органа внутренних дел. Преодоление этого разрыва требует не фрагментарных изменений, а комплексной оптимизации уголовно-процессуальных механизмов, включающей как совершенствование законодательства, так и организационно-методические меры.

Только такой системный подход позволит сформировать уголовно-процессуальную модель, в которой публичные интересы раскрытия преступлений будут гармонично сочетаться с безусловным приоритетом прав и законных интересов человека и гражданина – высшей ценностью, провозглашенной статьей 2 Конституции Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Федеральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>; 6 октября 2022 г. (дата обращения: 10.11.2025).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

3. О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 9. – Ст. 1245.

4. О внесении изменений в статьи 20 и 147 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 07.06.2025 № 146-ФЗ // Российская газета. – 2025. – 10 июня.

5. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) // Российская газета. – 2009. – 18 февр.

6. По делу о проверке конституционности части первой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Беляева : Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П // Российская газета. – 2018. – 6 апр.

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Н. на нарушение его конституционных прав статьей 109 Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 515-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О внесении изменений в Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы... : Приказ Минюста России от 27.01.2025 № 7 (зарегистрирован в Минюсте России 28.01.2025 № 81057).

II. Учебная, научная литература и иные материалы

1. Афанасьев, А.Ю. Проблемы реализации права на обжалование действий и решений должностных лиц в досудебном производстве / А.Ю.

Афанасьев, И.С. Федотов // Законность. – 2025. – № 2. – С. 44–48.

2. Брунер, Р.А. Некоторые проблемы приема, регистрации и разрешения заявлений и сообщений о преступлениях в органах внутренних дел / Р.А. Брунер, Ю.В. Кивич // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2024. – № 2. – С. 56–60.

3. Гельфанд, И.А. Гарантии habeas corpus в уголовном процессе Израиля: сравнительно-правовой анализ / И.А. Гельфанд // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – № 2. – С. 112–120.

4. Давлетов, А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации : учебное пособие / А.А. Давлетов. – Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, – 2022. – 348 с.

5. Исанбаев, И.С. Эффективность уголовно-процессуального задержания на примере законодательства республики Таджикистан / И.С. Исанбаев // Современные проблемы уголовного процесса : пути решения : сборник материалов VII Международной научно-практической конференции : Уфимский юридический институт МВД России, – 2026. – С. 152–157.

6. Коврова, В.Г. Административно-правовая охрана и защита прав граждан в деятельности органов внутренних дел / В.Г. Коврова, А.В. Куракин // Административное право и процесс. – 2025. – № 1. – С. 22–25.

7. Кулаков, В.А. Законный интерес как категория уголовно-процессуального права / В.А. Кулаков // Российский судья. – 2024. – № 3. – С. 18–21.

8. Лебедев, В.М. Настольная книга судьи по рассмотрению уголовных дел на досудебных стадиях : практическое пособие / В.М. Лебедев. – М. : Норма, 2024. – 480 с.

9. Пашин, С.А. Новеллы института заключения под стражу: достоинства и риски правоприменения / С.А. Пашин // Уголовное судопроизводство. – 2025. – № 3. – С. 47–52.

10. Пашин, С.А. Изменение подследственности по делам о клевете: возврат к советской модели? / С.А. Пашин // Законность. – 2025. – № 7. – С. 23–26.

11. Пашин, С.А. Недопустимость поворота к худшему: пределы действия принципа / С.А. Пашин // Уголовное право. – 2025. – № 2. – С. 58–63.

12. Смирнов, А.В. Уголовный процесс : учебное пособие. Стандарт третьего поколения / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2015. – 336 с.

13. Шаров, И.В. Судебный контроль за процессуальными решениями и действиями органов предварительного расследования / И.В. Шаров // Российский судья. – 2024. – № 5. – С. 32–36.

III. Эмпирические материалы

1. Выступление Л.Б. Нарусовой на круглом столе «Практика применения поправок в УК РФ о пытках» (стенограмма) // Совет Федерации. Материалы парламентских слушаний. 2025.

2. Дневник преддипломной практики // Личный архив автора. - 2025.

3. Задание на преддипломную практику от 20 сентября 2025 г. // Личный архив автора. - 2025. - С. 12-14.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2011) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2011 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 7. – С. 12.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.11.2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 4. – С. 12.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Н. на нарушение его конституционных прав статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 515-О // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Верховного суда Республики Дагестан от 20 ноября 2025 г. № 22-1876/2025 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2026).
8. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) // Российская газета. 2009.
9. Постановление Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28 ноября 2025 г. по материалу № 3/10-1291/2025 (жалоба Поворотова С.С.) // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Санкт-Петербурга. URL: <https://primorsky--spb.sudrf.ru> (дата обращения: 14.12.2025).
10. Приговор Верховного суда Республики Башкортостан от 29 декабря 2025 г. № 2-25/2025 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2026).
11. Стенограмма заседания Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации на тему «Актуальные проблемы судебно-экспертного обеспечения уголовного судопроизводства» от 11 ноября 2025 г. // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ. – URL: <https://ombudsmanrf.org> (дата обращения: 14.11.2025).
12. Уголовное дело № 0000001 // Арх. ОМВД России по Магарамкентскому району Республики Дагестан. Оп. 1. 156 л. Уголовное дело № 0000001 // Арх. СО ОМВД РФ по Магарамкентскому району Республики Дагестан. Оп. 1. 156 л.

13. Определение Суземского районного суда Брянской области от 20.08.2025 г. № 203/3/2025. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2025 г.)

14. Стенограмма заседания Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации на тему «Актуальные проблемы судебно-экспертного обеспечения уголовного судопроизводства» от 11 ноября 2025 г. // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ. – URL: <https://ombudsmanrf.org> (дата обращения: 14.11.2025).

15. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 год. – Москва, 2026.

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений, составляющих государственную и служебную тайну.

Э.М. Гаджирагимов

ПРОТОКОЛ
разъяснения подозреваемому права на помощь защитника

г. Дербент

«__»_____20__ г.

Следователь СО ОМВД России по г. Дербент _____, руководствуясь ч. 1 ст. 11 УПК РФ, в помещении служебного кабинета №12 ОМВД России по г. Дербенту, разъяснил _____, что в соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ с момента начала осуществления процессуальных действий, _____ затрагивающих _____ права и свободы лица, в отношении которого производится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ (с момента фактического задержания его по подозрению в совершении преступления в случаях, предусмотренных ст. 91 и 92 УПК РФ, применения к нему в соответствии со ст. 100 УПК РФ меры пресечения в виде заключения под стражу), он вправе пользоваться помощью защитника, иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса в качестве подозреваемого.

Следователем было предложено _____ сообщить, кого именно она желает пригласить в качестве защитника или заявить ходатайство об обеспечении участия защитника следователем.

_____ заявил, что для защиты своих прав и законных интересов в ходе предварительного следствия и суда он желает привлечь защитника за счет государства.

Подозреваемый _____

_____ был заранее предупрежден о применении при производстве следственного действия технических средств: персональный компьютер и принтер «Pantum» применяются следователем в условиях служебного кабинета, _____ для составления настоящего протокола и воспроизведения на бумажный носитель формата А4.

Подозреваемый _____

Протокол прочитан _____.

Замечания к протоколу _____.

Подозреваемый _____

Настоящий протокол составлен в соответствии со ст. 166 (167) УПК РФ.

Следователь _____

(подпись)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о назначении защитника**

г. Дербент

«__»_____2026 г.

Следователь СО ОМВД России по г. Дербенту Якубов С.В., рассмотрев материалы уголовного дела № 12601820005000115,

У С Т А Н О В И Л :

Настоящее уголовное дело возбуждено 16.03.2026 года по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, в отношении -----.

Принимая во внимание, что подозреваемый ----- нуждается в юридической помощи, и учитывая, что ею заявлено ходатайство о назначении для защиты её интересов защитника по назначению в соответствии со ст. 51 УПК РФ, необходимо назначить для оказания юридической помощи подозреваемого -----, защитника – адвоката -----, представившую ордер №00**** от 16.03.2026 г. и удостоверение №2268, выданное УМЮ РФ по РД 05.08.2022 г..

На основании изложенного и руководствуясь ст.38, 51 и 52 УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Назначить защитника – адвоката -----, для оказания юридической помощи подозреваемому ----- по уголовному делу №1260182*****.

2. Настоящее постановление направить для исполнения в Адвокатскую палату Республики Дагестан.

Следователь

(подпись)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
об полном удовлетворении ходатайства

г. Дербент

« » _____ 2026 г.

Следователь СО ОМВД России по г. Дербенту лейтенант юстиции С.В. Якубов, рассмотрев материалы уголовного дела № 1260182*****,

УСТАНОВИЛ:

В производстве СО ОМВД России по г. Дербенту находится уголовное дело № 1260182*****, возбужденное 16 марта 2026 года, по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, в отношении -----.

В ходе расследования установлено, что 16.03.2026 г. сотрудниками 3-го отдела УКОН МВД по РД проведено оперативно-розыскное мероприятие «Обследование зданий, сооружений, **помещений**, участков местности и транспортных средств», проведенное на основании решения Дербентского районного суда за № 177-с от 10.03.2026 г. в ходе которого в г. Дербенте, а именно по ул. Курбанова, д. 2 «Б», в домовладении гр. ----- г.р., зарегистрированного по адресу: РД, г. Дербент, ул. Коммунаров, д. 2 «б», -----, было обнаружено вещество растительного происхождения.

Таким образом, в действиях ----- усматриваются признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ.

16.03.2026 г. в ходе разъяснения подозреваемому ----- права на помощь защитника последний заявил, что для защиты своих прав и законных интересов в ходе следствия и суда он желает привлечь защитника за счет государства.

На основании изложенного, руководствуясь ст.41 и ст.50 УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Удовлетворить ходатайство подозреваемого ----- года рождения, о назначении защитника за счет государства по уголовному делу № 1260182*****.

2. О принятом решении уведомить -----, разъяснив ему, что оно может быть обжаловано в порядке, установленном главой 16 УПК РФ.

Следователь СО

Постановление доведено до сведения « » _____ 2026 г., путем направления его копии.